

№ 340.730

Энциклопедическая Библиотека Обществѣдѣнія
Серія 1-я. Вопросы государственнаго строя.

Выпускъ 3-й.

Проф. И. А. ЛИННИЧЕНКО.

МАЛУРУССКІЙ ВОПРОСЪ И АВТОНОМІЯ МАЛУРОССІИ.

Цѣна 50 коп.

ИЗДАНИЕ

Акціонернаго Южно-Русскаго Общества Печатнаго Дѣла.

ПЕТРОГРАДЪ — ОДЕССА.

1917.

ПРОФ. И. А. ЛИННИЧЕНКО.

МАЛУРУССКІЙ ВОПРОСЪ
И
АВТОНОМІЯ МАЛУРОССІИ.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

ПРОФ. М. А. ГРУШЕВСКОМУ.

ОДЕССА.

1917.

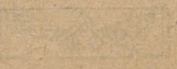
ПРОД. В. ПУШКИН

МАЛОРУССКИЙ ВОПРОС

АВТОНОМΙΑ МАЛОРУССЬКИХ

II 340.730

ОДЕССА,

Тип. Акціонерного Южно-Русского Общества Печатного Дѣла.

Пушкинская улица, соб. д. № 18.

1966 К 176/11

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Значительная часть моей статьи была написана давно, по выходѣ въ печать статьи проф. М. А. Грушевскаго о новой схемѣ изложенія исторіи восточнаго славянства («Звичайна схема «Русскої історіи и справа раціонального укладу історіи східного словянства»), напечатано въ сборникѣ—Статьи по славяновладѣнію. Пет. 1904).

Тогда я не счелъ себя въ правѣ напечатать моей статьи, т. к. по условіямъ тогдашняго времени проф. Грушевскій не имѣлъ бы возможности отвѣтить мнѣ съ полной свободой и откровенностью.

Думаю, что о малорусскомъ вопросѣ можно писать теперь совершенно открыто.

Моя статья не только разборъ положеній проф. Грушевскаго, но и оцѣнка современныхъ требованій украинскихъ партій.

Я пишу *sine studio*, надѣясь на такой же отвѣтъ не согласныхъ со мною.

Проф. И. А. Линниченко.

Малорусскій вопросъ и автономія Малороссіи.

(Открытое письмо проф. М. Грушевскому).

20 лѣтъ тому назадъ я въ моей вступительной лекціи въ Московскѣмъ Университетѣ коснулся вопроса объ объемѣ понятія русской исторіи.

Я высказалъ слѣдующія соображенія:

«Въ извѣстныхъ случаяхъ мы съ гордостью повторяемъ, что Русь вездѣ, отъ хладныхъ финскихъ скаль до пламенной Колхиды, отъ Бѣлаго моря и до отдаленныхъ уголковъ Карпатскихъ горъ. Но лишь только дѣло зайдетъ объ опредѣленіи основныхъ чертъ русскаго характера, національно-русскихъ учреждений, тотчасъ начинаемъ бросать за бортъ однихъ Русскихъ за другими, вычеркиваемъ одинъ періодъ за другимъ изъ нашей исторіи и въ концѣ концовъ безконечно суживаемъ Русь и териториально и исторически, и принимаемся смотрѣть на вопросъ съ исключительной точно извѣстной мѣстности и извѣстнаго времени, черты временныя возводимъ къ общимъ началамъ русскаго духа, учреждения вызванныя исторической необходимостью, считаемъ характерными національными отличіями и настойчиво требуемъ возврата къ прошлому...

Только параллельнымъ изученіемъ сѣверной и западной Русской исторіи мы можемъ всесторонне изслѣдовать сущность нашего національнаго начала, можемъ узнать какъ оно реагировалось на самыя разнообразныя вліянія. Исторія западной и юго-западной Руси не чуждая намъ исторія, и не исторія мѣстная, а исторія общерусская и ей довлѣють тѣ же права, что и исторіи сѣверно-русской. Не станемъ

же отдѣлять одной отъ другой и не будемъ вносить въ историческое изученіе нашего прошлаго той розни, отъ которой издревне страдаетъ великій Славянскій народъ».

Недавно того же вопроса коснулся Львовскій проф. М. А. Грушевскій, но съ совершенно другой точки зрѣнія. Въ своихъ статьяхъ Грушевскій притомъ полемизируетъ постоянно со мною-не по поводу мыслей, высказанныхъ мною печатно, а по поводу моего личнаго разговора съ нимъ относительно недавно поднятаго вопроса объ украинскихъ кафедрахъ въ нѣкоторыхъ университетахъ. Негласно (не называя меня) полемизируя со мной, г. Грушевскій съ одной стороны или оставляетъ безъ возраженія наиболѣе существенныя пункты моихъ положеній, другихъ касается лишь вскользь и къ тому же постоянно впадаетъ въ очень существенныя противорѣчія и, начавъ очень громко, идетъ затѣмъ на разныя уступки и компромиссы, сводящіе на нѣтъ его собственныя основныя положенія съ одной стороны, - а съ другой - доходитъ въ своихъ требованіяхъ до предложенія, заключающаго въ себѣ настоящее *contradictio in adjecto*, основанія чего то въ родѣ университета специально украинскихъ дисциплинъ.

Все это обязываетъ меня подвергнуть его взгляды основательной критикѣ. Оба мы какъ будто исходимъ изъ одной точки отправленія-мы сѣтуемъ на то, что въ общихъ курсахъ русской исторіи южно-русской исторіи отведено мѣста меньше, чѣмъ ей слѣдуетъ. Но въ дальнѣйшихъ выводахъ изъ констатированія этого факта мы расходимся радикально. Для меня, какъ это видно изъ моей печатной статьи, южно-русская исторія- часть общерусской исторіи- исторіи всего русскаго народа-и я требую ея изученія равномѣрнаго съ изученіемъ исторіи остальныхъ частей одного и того же народа, частей политически то соединенныхъ, то разъединенныхъ, но общихъ по духу; для г. Грушевскаго исторія Великорусская одна, южнорусская-другая-, а что касается западно-русской, то о ней онъ, по нѣкоторымъ причинамъ, говоритъ очень глухо, не зная какъ къ ней отнестись-выдѣлить ли ее въ особый отдѣлъ, или пристегнуть къ одному изъ самостоятельныхъ отдѣловъ-великорусскому, или южнорусскому.

Г. Грушевскій такими словами опредѣляетъ обычную схему русской исторіи: Начинается она съ описанія до исторической восточной Европы, не славянской колонизаціи, разселенія славянъ, сформированія Кіевского государства (державы?); исторія доходитъ до второй половины XII вѣка, переходитъ затѣмъ къ великому княжеству Владимірскому, отъ него въ XII къ княжеству Московскому, слѣдитъ за исторіей Московскаго государства, затѣмъ имперіи, а изъ исторіи малорусскихъ и бѣлорусскихъ земель, оставшихся за границами Московскаго государства, иногда берутъ нѣкоторыя болѣе важныя событія (княженіе Даніила, образованіе Литовскаго государства, унію съ Польшей, церковную унію, войны Хмельницкаго) иногда вовсе не берутъ, во всякомъ случаѣ съ присоединеніемъ къ русскому государству эти земли перестаютъ быть предметомъ ея исторіи.

Основаніе такой схемы, по мнѣнію Грушевскаго, очень старо-въ генеалогичной схемѣ старыхъ московскихъ книжниковъ; эта схема съ появленіемъ научной исторіографіи положена въ основу исторіи государства Россійскаго. Затѣмъ, когда центръ тяжести былъ перенесенъ на исторію народа и его культурной жизни, эту схему оставили въ главныхъ пунктахъ, только эпизоды(?) чѣмъ дальше, тѣмъ больше, стали отпадать. Эту же схему приняла исторія русскаго права въ своей простѣйшей формѣ, въ исторіи трехъ періодовъ, Кіевскаго, Московскаго, Императорскаго. По мнѣнію Грушевскаго нераціонально связывать исторію Кіевскаго государства съ исторіей Владиміро-Московскаго княжества XIII-XV вв., какъ стадій будто бы одного и того же политическаго и культурнаго процесса. Кіевская «держава» была твореніемъ одной народности (?), малорусской, Владиміро-Московская-другой-великорусской.

Кіевскій періодъ перешелъ въ Галицко-Валдимірскій, а потомъ Литовско-Польскій. Онъ сравниваетъ отношенія Владиміро-Московскаго государства съ отношеніемъ Римскаго государства къ провинціямъ. Кіевское правительство пересадило въ велико-русскія земли формы политическо-общественнаго устройства, право, культуру, выработанныя исторической жизнью Кіева, но на этомъ основаніи нельзя включать исторію Кіевскаго государства въ исторію великорусской народности. Этнографи-

ческая и историческая близость народов малорусского и великорусского не должны служить причиной их смѣшенія (перемѣшуванья). Они жили своей жизнью <по за своими стѣčnostями, стрічами>. Вслѣдствіе включенія Кіевского періода въ исторію великорусского народа, и исторія великорусского народа, и малорусского, остаются безъ начала-не выяснена исторія образованія великорусской народности и остается представленіе, что исторія малорусского народа начинается съ XIV-XV вѣка, а передъ тѣмъ это общерусская исторія, а исторія малорусского народа появляется въ XIV-XV вѣкѣ, какъ нѣчто новое, какъ будто ея до того не было, или она не имѣла исторической жизни, и исторія малорусского народа состоитъ изъ какихъ то отрывковъ, не имѣющихъ между собою связи.

Еще худшую участь испытываетъ въ этой схемѣ народность бѣлорусская; она совершенно пропадаетъ за исторіей государства Кіевского, Владиміро-Московского, даже Литовскаго, но г. Грушевскій тутъ же обмолвился замѣчаніемъ, совершенно справедливымъ, но вмѣстѣ и крайне губительнымъ для его предыдущихъ и послѣдующихъ критико-полемическихъ замѣчаній-сознаніе важности этого замѣчанія охладило бы въ значительной степени пылкость его возраженій и умѣрило бы и его запросы къ русской исторіи, г. Грушевскій замѣчаетъ, что хотя бѣлорусская народность и *не выступала нигдѣ въ исторіи, какъ элементъ творческій*, однако роль ея немаловажна-укажемъ хотя бы на ея значеніе въ созданіи великорусской народности, или въ исторіи великаго княжества Литовскаго, такъ какъ ей принадлежить культурная роль въ этомъ государствѣ.

Г. Грушевскій доказываетъ, что включеніемъ въ русскую исторію исторіи великаго княжества Литовскаго хотѣли исправить неполноту, односторонность и традиціонность ея схемы. Однако г. Грушевскій недоволенъ состояніемъ изученія Литовской исторіи (что впрочемъ прямого отношенія къ его темѣ не имѣетъ); Литовско-Русское государство не было однороднымъ тѣломъ; слѣдя за преемственностью старорусскаго права, игнорируютъ вліяніе Литовскаго элемента въ правѣ (замѣтимъ, что г. Грушевскій для иллюстраціи значенія Литовскаго элемента беретъ такой частный случай, какъ

институтъ Коймпнцевъ-незначительнаго по количеству разряда населенія, -терминъ этотъ и его значеніе, къ слову сказать, былъ болѣе удовлетворительно объясненъ мною). Характерно опять и указаніе г. Грушевскаго, что малорусскія земли, за исключеніемъ Побужья и Пинцины, были довольно механически связаны съ Литовскимъ княжествомъ, стояли особнякомъ(?), и послѣ Люблинской уніи перешли въ составъ Польши; наоборотъ, бѣлорусскія земли были тѣсно связаны съ Литовскимъ княжествомъ, имѣя на него большое вліяніе въ смыслѣ общественно-политическомъ и культурномъ, и остались при немъ до конца-(этого положенія, кстати сказать, мы совершенно не понимаемъ, такъ какъ по Люблинской уніи не только Малороссія, но Бѣлоруссія и Литва вошли въ составъ Польши; такимъ образомъ, исторія великаго княжества Литовскаго гораздо тѣснѣе связана съ народностью бѣлорусской, чѣмъ съ малорусской?)

Слѣдующее затѣмъ мѣсто въ статьѣ г. Грушевскаго настолько характерно по цѣлому ряду внутреннихъ противорѣчій, что я приведу его цѣликомъ. «Такимъ образомъ включеніе исторіи великаго княжества Литовскаго въ русскую исторію не замѣнитъ прагматическаго представленія исторіи народностей украинско-русской и бѣлорусской.

«Для историческаго представленія общественнаго и культурнаго процесса украинской русской народности достаточно обозначенія тѣхъ нѣсколькихъ моментовъ въ исторіи Литовско-Русскаго государства, которые имѣли для нея непосредственное значеніе. Больше изъ нея вошло бы въ исторію бѣлорусской народности, но въ цѣломъ включать исторію великаго княжества Литовскаго въ русскую исторію нѣтъ причинъ, если русская исторія не есть исторія Россіи, то есть исторія всего того, что нѣкогда совершалось на ея территоріи, и исторія всѣхъ народовъ и племенъ, которые ее заселяютъ (такой программы ея теперь, кажется, не ставитъ никто, хотя ее можно бы поставить), а исторія русскихъ народностей, или восточно-славянскихъ (употребляю иногда этотъ терминъ, чтобы избѣжать неясностей и спутанностей, которые вытекаютъ изъ неодинаковаго употребленія слова-русскій»

Забѣгая нѣсколько впередъ, остановимся на разборѣ этой тирады. Г. Грушевскій, очевидно, не видитъ, въ какія

противорѣчія онъ впадаетъ. Онъ требуетъ отдѣльнаго изученія не государства, а народности, и народности, которая самостоятельнаго государственнаго значенія никогда не имѣла. Съ XIV вѣка часть южной Руси отходитъ къ Литвѣ, часть къ Польшѣ. Со второй половины XVI вѣка обѣ части уже входятъ въ составъ государства Польскаго, въ срединѣ XVII вѣка опять часть южнорусскихъ земель отходитъ къ Московскому государству, часть остается при Польскомъ государствѣ. Съ конца XVIII вѣка большая часть южной Руси отходитъ къ Россіи, часть къ Австріи. Такимъ образомъ, самостоятельнаго самоопредѣляющаго характера южныя земли никогда не имѣли (о древнемъ періодѣ скажемъ дальше). Это постоянно часть какого нибудь другого государства, ея политическая исторія опредѣляется тѣмъ центромъ, къ которому она примыкаетъ; ея внутренній строй сильно измѣняется, и не разъ, смотря по тому, какой центръ надъ ней господствуетъ;—то здѣсь вводятся порядки литовскіе, то польскіе, то русскіе. Тоже самое съ народностью бѣлорусской—она входитъ сначала въ составъ великаго княжества Литовскаго, затѣмъ Польши и наконецъ Россіи. Г. Грушевскій совершенно даже упраздняетъ исторію Литовскаго великаго княжества—если исторія Бѣлоруссіи предметъ отдѣльный, исторія Малороссіи такой же отдѣльный предметъ, то гдѣ же тогда Литовское княжество, включавшее въ себѣ обѣ эти части? Исходя изъ точки зрѣнія народности мы никакой исторіи, т. е. процесса движенія, развитія, не получимъ. Мы будемъ излагать исторію Литовскихъ племенъ за время ихъ самостоятельнаго развитія, дойдемъ до факта образованія обширнаго Литовско-русскаго государства, и здѣсь остановимся—такъ какъ затѣмъ изложеніе пойдетъ по исторіи народностей. То-же будетъ и съ исторіей Московскаго государства. Исторія отдѣльныхъ ея частей будетъ предметъ особый. Гдѣ же здѣсь исторія? И съ другой стороны,—какъ возможно отдѣлить исторію отдѣльныхъ народностей отъ исторіи тѣхъ центровъ, къ которымъ они примкнули, и откуда получали директивы для своей политической и внутренней жизни? Гдѣ мы найдемъ центръ, около котораго будетъ вращаться изложеніе? Отдѣльныя части малорусскаго народа имѣли всегда особую политическую судьбу; онѣ никогда не были связаны

между собою, не связаны и теперь, такъ какъ часть малорусскаго народа живетъ въ Россіи, другая въ Австріи и, такимъ образомъ, исторія отдѣльныхъ частей малорусскаго народа-только провинціальная исторія-разъ исторія провинціальная-Литовскаго княжества, затѣмъ Польскаго, Русскаго, Австрійскаго. Для г. Грушевскаго, какъ для нашихъ старыхъ славянофиловъ-государство само по себѣ, а народъ самъ по себѣ-старая наивная точка зрѣнія, по которой правительство смѣшивалось съ государствомъ.

По мнѣнію г. Грушевскаго исторія государственныхъ организацій играетъ еще слишкомъ большую роль въ представленіи русской исторіи, или исторіи восточнаго славянства. Онъ говоритъ, что въ теоріи давно признается, что центръ тяжести долженъ быть перенесенъ съ исторіи государства на исторію народа, общества. Но изъ этихъ словъ видно, что проф. Грушевскій подъ государствомъ очевидно понимаетъ только политическую организацію—а развѣ мыслимо государство безъ народа? Если государство есть общественный союзъ, преслѣдующій цѣль общаго блага, то исторія государства есть исторія всего развитія этого союза—и нѣтъ ничего въ исторіи народовъ, составляющихъ такой союзъ, что должно было бы отпасть изъ изложенія.—возможно развѣ отдѣлить внутреннюю исторію народа, какъ нѣчто отдѣльное? Исторія государства есть исторія внѣшняя и внутренняя общественнаго союза, такъ какъ онѣ взаимно опредѣляются. Мы имѣемъ передъ собою теперь реальный фактъ—обширный общественный союзъ, именуемый русскимъ государствомъ, нѣчто цѣлое, отдѣльное, особое, и мы должны изучать исторію этого факта, явленія, задача историка рассказать, какъ произошло это явленіе, какимъ путемъ сложился этотъ организмъ—ибо это организмъ общественный, подобный цѣлому ряду такихъ же организмовъ, намъ извѣстныхъ (государства: Французское, Англійское, Итальянское). Элементы государства—территорія, населеніе и власть. Задача историка—изучать взаимодействіе этихъ элементовъ. Качественъ и количествомъ территоріи, качественъ и количествомъ населенія опредѣляется и судьба государства. Историкъ обязанъ конечно оцѣнить значеніе всѣхъ важныхъ агентовъ созданія общественнаго союза и указать, какіе играли большую, какіе меньшую творческую роль въ этомъ

созданіи. Не вина историка, если изучая, напримѣръ, субстратъ государства,— население, онъ находитъ, что одни части его сыграли безмѣрно большую роль въ этомъ творчествѣ, чѣмъ другіе. Г. Грушевскій полагаетъ, что *государство* имѣло изъ всѣхъ восточныхъ славянскихъ народовъ наибольшее значеніе у народности великорусской (при чемъ дѣлаетъ странное примѣчаніе—за границами національнаго владѣнія Московскаго государства видимъ такія сильныя явленія, какъ вѣчевую жизнь новгородско-псковскую—г. Грушевскій забываетъ, что Новгородъ тоже былъ государствомъ въ свое время). Украинорусская народность, говорить г. Грушевскій, рядъ столѣтій живетъ безъ національнаго государства, подъ вліяніемъ разныхъ государственныхъ организацій—эти вліянія на ея національную жизнь должны быть обозначены, но политическій факторъ сходитъ въ ея исторіи въ эти безгосударственныя столѣтія на побочную роль при фактахъ экономическихъ, культурныхъ и національных. Для бѣлорусскаго народа великорусское государство становится историческимъ фактомъ только съ 1772 года, для Украины столѣтіемъ раньше, но только одной стороною. То исключительное значеніе, какое имѣла исторія великорусскаго государства въ теперешней схемѣ русской исторіи, явилось результатомъ подмѣны исторіи русскаго народа (въ значеніи русскихъ восточныхъ славянскихъ народностей), понятіемъ исторіи великорусскаго народа.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ маститый южно-русскій ученый, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ исторіи Малороссіи, профессоръ, В. Б. Антоновичъ, изучая исторію казачества, впервые съ грустью высказалъ ту мысль, что малороссы не могли въ XVII вѣкѣ создать государства, потому что они народъ не государственный, не способный на созданіе государства. Антоновичъ, конечно, подразумѣвалъ подъ государствомъ организацію политическую. Г. Грушевскій соглашается, что политическая государственная жизнь агентъ важный, но помимо нея существуютъ и другіе агенты—экономическій, культурный, которые имѣли иногда меньше, иногда больше, значенія, чѣмъ агентъ политическій, но которые не должны оставаться въ тѣни за этимъ агентомъ. Но огромное значеніе государственнаго элемента не достаточно ясно для г. Грушев-

скаго. Для самостоятельнаго культурнаго развитія государственные элементы имѣють довлѣющее значеніе. Намъ указываютъ на примѣры другихъ славянскихъ народовъ, которые возродились, хотя и не составляютъ отдѣльнаго политическаго тѣла. Но въ данномъ случаѣ упускаютъ изъ виду два важнѣйшихъ обстоятельства—возродились народы, имѣвшіе нѣкогда политическую особность (Чехи), и народы, живущіе подъ властью чужого иноплеменнаго народа. Иное дѣло, когда народы такъ близки, какъ польскій и русскій, а тѣмъ болѣе, когда они только вѣтвь одного общаго племени, какъ малороссы и великороссы. Сознаніе общности происхожденія, одна и та же религія, отсутствіе естественныхъ границъ, незамѣтность переходовъ бытового уклада—не могутъ питать чувства стремленія къ отдѣльности, такъ, какъ они питаются подъ властью иноплеменниковъ. Въ XVII столѣтіи Малороссія, увидавъ невозможность существовать отдѣльной политической единицей, отвергаетъ мысль о подданствѣ Турецкому султану, какъ басурману, хотя это подданство могло произойти на условіяхъ однихъ формальныхъ вассальныхъ отношеній, и поддается московскому царю—какъ русскому, земляку и православному.

Отсутствіе самостоятельной политической организаціи огромной силы тормазъ для самостоятельнаго культурнаго развитія—рано или поздно должны наступить централизація и культурная нивеллировка—менѣе устойчивыя части и въ культурномъ отношеніи—если они и имѣли самостоятельную культуру,—подпадутъ вліянію частей болѣе устойчивыхъ, болѣе энергичныхъ, болѣе творческихъ.

Такъ было всегда въ Малороссіи—гдѣ помимо указанныхъ причинъ играла очень большую роль впечатлительность и воспримчивость національнаго характера. *Собственной оригинальной самостоятельной культуры Малороссія никогда не имѣла*, она подчинялась то вліянію культуры польской, то культуры великорусской. Можно, конечно, сожалѣть о такомъ отсутствіи культурной самостоятельности, можно желать ея созданія, но нельзя не признать этого отсутствія, какъ факта прошлаго и настоящаго. Для меня, какъ малоросса, этотъ фактъ можетъ быть не менѣе тяжелъ, чѣмъ для г. Грушевскаго—но я не закрываю на него глаза, я

пытаюсь его объяснить, и я нахожу известное утѣшеніе, возмездіе, именно въ томъ, что такъ претитъ г. Грушевскому— *въ государство*. Когда складывается государство—общественный союз—отдѣльныя его части, волею-неволей, сознательно или путемъ принужденія, принимаютъ участіе въ его созидательной работѣ. Для нѣкоторыхъ образованіе государства есть процессъ разрушительный—однѣ части лишаются самостоятельности и подчиняются другимъ. Но государственный процессъ не только разрушительный, но и созидательный. Съ развитіемъ народнаго самосознанія всѣ отдѣльныя части государства начинаютъ работать совмѣстно для одной общей цѣли,— и вотъ характерная черта нашего времени—въ тотъ моментъ, когда появляется надежда на возможность такой совмѣстной работы на началахъ свободныхъ, на прекращеніе страднаго характера работы однихъ для другихъ—насъ призываютъ къ старымъ счетамъ, старымъ процессамъ, старой семейной враждѣ и раздорамъ. Можетъ быть, психологически это и понятно, но, право, сильно отзывается Чеховскимъ «Предложеніемъ».

Г. Грушевскій, кажется, полагаетъ, что то особенное вниманіе, которое историки наши даютъ исторіи великорусскаго государства, есть злой умыселъ, бюрократическая интрига—подмѣна понятія русскаго народа понятіемъ великорусскаго. Но г. Грушевскій въ своемъ увлеченіи узко національными симпатіями не хочетъ понять того, что историкъ познаетъ настоящее изученіемъ прошлаго, и если найдетъ въ немъ агентъ большой творческой силы, то естественно на немъ сосредоточить свое вниманіе, а и онъ спорить не будетъ, что творческимъ агентомъ въ созданіи современнаго русскаго государства, какъ цѣлой единицы, была преимущественно народность великорусская. А разъ оттуда шла инициатива созданія государства (въ широкомъ смыслѣ слова), то центромъ историческаго изложенія (а какой нибудь центръ долженъ же быть въ историческомъ изложеніи) въ русской исторіи будетъ—процессъ созданія государства (въ широкомъ смыслѣ); не наша вина, что инициатива этого созданія шла изъ Велико-россіи, а не изъ Малороссіи или Вѣлороссіи. Намъ, можетъ быть, обидно за нашихъ предковъ, но прошлаго не передѣлаешь; и такое вниманіе къ великорусской исторіи съ научной точки зрѣнія вполне законо.

Но если одна вѣтвь русскаго народа развила инициативу созданія общерусскаго государства, то нельзя отрицать и того, что остальные части въ большей или меньшей степени, вольно или невольно, сознательно или безсознательно участвовали въ этомъ процессѣ—не давая инициативы, они вольно или невольно давали на это средства, руки и капиталъ. Г. Грушевскій сѣтуетъ на то, что Малороссія даетъ значительно большій вкладъ въ русскій бюджетъ, чѣмъ это должно было бы быть по относительному числу ея населенія. Неопытный человѣкъ могъ бы подумать, что съ Малороссіи идетъ особая контрибуція въ пользу государства.—Но дѣло объясняется проще—Малороссія страна болѣе богатая, а, надѣюсь, г. Грушевскій не будетъ возставать противъ теоріи подоходнаго налога (наибольшее количество, напримѣръ, сахара, даетъ Малороссія), каждый долженъ давать то, что можетъ—одни трудъ, другіе капиталъ.

То, что именуется русской исторіей, по Грушевскому, есть комбинація, или конкуренція нѣсколькихъ понятій-исторіи русскаго государства (формированіе и развитіе государственной организаціи и территоріи исторіи Россіи-то есть, того, что было на ея территоріи, исторіи русскихъ народностей, и, наконецъ, исторіи великорусскаго народа, его государственной и культурной жизни). Каждое изъ этихъ понятій можетъ быть предметомъ научнаго изслѣдованія, но при комбинаціи ихъ, ни объ одномъ не дается полного представленія(?). Въ теперешнюю схему русской исторіи по Грушевскому наиболѣе входитъ изъ понятія исторія русскаго государства и великорусскаго народа. Эта исторія по мнѣнію г. Грушевскаго должна быть замѣнена исторіей великорусскаго народа, а тогда и исторія бѣлорусскаго и малорусскаго народовъ выйдутъ на очередь и займутъ соотвѣтственное мѣсто рядомъ съ исторіей великороссовъ. Но для этого нужно проститься съ фикціей, что русская исторія, подмѣненная вездѣ великорусской, настоящая исторія обще-русская.

Для г. Грушевскаго общая схема стоитъ на почвѣ политики и является пережиткомъ старо-московской историографической схемы, кое гдѣ приложенной къ новѣйшимъ историческимъ требованіямъ, но въ основѣ своей нераціональна. Великорусская исторія съ малорусскимъ началомъ, къ ней

пришитымъ, это только покалѣченная, неестественная комбинація, а не какая то общерусская исторія. Общерусской исторіи не можетъ быть, какъ нѣтъ и общерусской народности. Можетъ существовать только исторія всѣхъ русскихъ народностей, *если кому охота ихъ такъ называть* (?) или исторія восточныхъ славянъ. Она и должна стать на мѣсто теперешней русской исторіи (333).

Меня удивляетъ не новая схема г. Грушевскаго-эта новостъ очень старая, меня удивляетъ то, что г. Грушевскій считаетъ ее *научной*, т. е. объективной, а обычную упрекаетъ въ политиканствѣ, чего не признаетъ за своей. Не нужно однако много распространяться о томъ, что политиканствомъ именно и отличается схема г. Грушевскаго-свои *ria desideria*, свои надежды на будущее малорусскаго народа онъ переноситъ въ прошлое. И всѣ положенія г. Грушевскаго очень не трудно разрушить его же собственнымъ оружіемъ.

Согласимся на время съ нимъ; скажемъ-общерусской исторіи нѣтъ, а есть только исторія отдѣльныхъ народностей, живущихъ на территоріи теперешняго русскаго государства. Выдѣлимъ исторію великорусскаго народа въ отдѣльный предметъ. О чемъ будетъ она говорить? Около какого центра будетъ вращаться ея изложеніе? Никто, конечно, спорить не будетъ противъ того, что важнѣйшій фактъ великорусской исторіи созданіе русскаго государства. Территорія, занятая огромнымъ количествомъ разныхъ народовъ, всевозможнаго происхожденія, болѣе или менѣе культурныхъ и совсѣмъ некультурныхъ, въ разное время, разными путями, отчасти даже съ разными послѣдствіями для каждой части, стягивается къ одному центру. Это фактъ не только внѣшній, политическій; вся внутренняя жизнь этихъ отдѣльныхъ прежде частей, жившихъ (нѣкоторыя) своей самоопредѣляющей жизнью, претерпѣваетъ теперь въ разное время, въ разной степени, но, тѣмъ не менѣе, очень глубокія измѣненія. И присоединенныя части, конечно, извѣстнымъ образомъ вліяютъ на центръ, но вліяніе центра на отдѣльныя части безмѣрно сильнѣе обратнаго вліянія. Части вовлекаются въ политическую и общественную жизнь, директивы которой идутъ изъ центра, и поэтому естественно съ момента присоединенія исторія части перестаетъ имѣть самостоятельный характеръ-

это уже часть исторіи центра. Въдъ сущность исторіи, историческаго процесса, движеніе, развитіе, и центромъ изложенія поэтому и будетъ тотъ центръ, изъ котораго идетъ *самостоятельное опредѣляющее направленіе* этого развитія. Кажется, что это положеніе безспорное, и такъ именно и изучается исторія веѣхъ народовъ и государствъ—есть исторія Франціи или Англии, Италіи, какъ одного цѣлаго, а общерусской исторіи, исторіи Россіи, по мнѣнію г. Грушевскаго, не можетъ быть.

Г. Грушевскій обвиняетъ нашу науку за то, что она изучаетъ исторію, изучаетъ то, что интересно и важно съ исторической точки зрѣнія, за то, что историкъ нашъ хочетъ быть историкомъ, а не этнографомъ, изучаетъ моменты историческаго процесса, движенія—культурнаго развитія, а не одну этнографію.

Съ легкой руки этнографовъ мы склонны преувеличивать значеніе мѣстныхъ особенностей, съ грустью упрекать кого то за сглаживаніе мѣстныхъ отличительныхъ чертъ; многимъ кажется, что новое вино можно вливать въ старые мѣха. Вспомнимъ, съ какой яростью обрушивались сначала раскольники, а потомъ славянофилы, на Петра Великаго, обрѣзавшаго доходившія до чреслъ длинныя бороды и влачившіяся по землѣ старо-русскія ферязи. Но въ такомъ суровомъ преслѣдованіи повидимому невинныхъ, никому не мѣшавшихъ, внѣшнихъ особенностей, была глубокая государственная идея—отучить населеніе держаться старины *только потому, что она старина*, традиція, привычка, безразлично къ ея внутреннему смыслу, значенію, удобству.

Для однихъ этнографическія особенности имѣютъ значеніе разнообразныхъ способовъ приспособленія къ мѣстнымъ условіямъ, но не всегда такое приспособленіе есть наилучшее рѣшеніе вопроса; оно существуетъ часто только *faute de mieux* и поэтому не всегда мы должны сожалѣть о томъ, что нѣкоторыя особенности мѣстныя уступаютъ мѣсто нововведеніямъ—въдъ задача культуры—наилучшее, наиболѣе раціональное и экономичное разрѣшеніе жизненныхъ вопросовъ. Эту экономію преслѣдуетъ все—костюмъ, языкъ, бытъ. Твердые звуки языка латинцевъ, такъ гармонирующіе съ суровымъ характеромъ покорителей міра и съ лапидарнымъ характеромъ памятни-

ковъ письма, смѣняются мягкими, не требующими усилія открытыми звуками чарующей итальянской рѣчи, и сонеты Петрарки не высѣкаются на камнѣ, какъ законы XII таблицъ, а рисуются на мягкой полотняной бумагѣ.

Закованный въ желѣзо съ ногъ до головы средневѣковой рыцарь сидитъ въ XVIII вѣкѣ въ будуарѣ напудренной маркизы въ шелковомъ камзолѣ и штиблетахъ, потемнѣвшій подъ арабскимъ небомъ крестоносецъ боится рѣзкаго движенія, чтобы не разбить фарфоровой статуэтки Дафны или Хлои, или сдвинуть съ мѣста артистически завязанное жабо. Король, закутанный въ горностаевую мантию, съ безконечнымъ шлейфомъ, который несутъ за нимъ херувимы-пажи, въ драгоценной коронѣ, чудъ ювелирнаго искусства, выходитъ теперь во фракъ съ шапоклакомъ въ рукѣ. Въ каждое данное время все—рѣчь, костюмъ, постройки, увеселенія, понятія, вся совокупность быта, имѣетъ свой стиль, свою яркую оригинальную физиономію—они объясняются условіями жизни, а условія жизни ими поясняются. На придворномъ балу можно загримироваться и русскимъ старымъ бояриномъ, въ длинополой фѣрязи, и горлатой шапкѣ, бѣлоснѣжнымъ рындой, стряпчимъ съ ключемъ и стряпней, но окольникій Сипягинъ все же остается, несмотря на подпись и костюмъ, тайнымъ совѣтникомъ и егермейстеромъ Двора Его Величества, придворнымъ XX вѣка. Съ эстетической и археологической точекъ зрѣнія можно сожалѣть объ утратѣ живописныхъ костюмовъ прошлаго, находить очаровательными дамскія прически XVIII вѣка въ нѣсколько футовъ вышиною, любоваться мушками-поэмами на накрашенныхъ щечкахъ тогдашнихъ красавицъ, но челоувѣчество съ каждымъ днемъ все бѣднѣе, мясо по рублю за фунтъ, хлѣбъ по 2 рубля за пудъ, а излишекъ волосъ скоро пойдетъ въ продажу на матрацы, для покупки щавеля на супъ.

Любовь къ родинѣ на первой стадіи—чувство инстинктивное, бессознательное, семейное, охранительное,—результатъ привычки, естественнаго подраженія. Своихъ, свое, любятъ не за то, за что слѣдуетъ любить, и даже вопреки уму, какъ иногда мать изъ всѣхъ дѣтей любитъ наиболѣе обиженнаго природой, а подчасъ даже наиболѣе порочнаго, это та лю-

бовь, которую въ такихъ чудныхъ строфахъ воспѣлъ Лермонтовъ.

Люблю отчизну я, но странною любовью;
Не побѣдить ея разсудокъ мой!
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордаго довѣрія покой,
Ни темной старины завѣтныя преданья
Не шевелятъ во мнѣ отраднaго мечтанія,
Но я люблю-за что, не знаю самъ.

Но такая любовь пассивна, бездѣятельна, лѣнива, лишена творчества, прогресса, она выражается лишь въ тоскливомъ *mal du pays*. На второй своей стадіи любовь къ родинѣ становится силой дѣятельной и творческой, потому что будетъ сознательно-критической. Это будетъ не любовь Сцеволовъ и Катоновъ, а любовь Тацита, съ болью взирающаго на родные недостатки и страстно зовущаго впередъ къ совершенствованію, любовь, въ которой чувство не заглушаетъ разсудка, привычка не ослѣпляетъ, семейное не закрываетъ общечеловѣческаго.

Германецъ, гдѣ бы онъ ни былъ, и кто бы онъ ни былъ-баварецъ, саксонецъ, пруссакъ-съ гордостью называетъ себя *Deutsche*, членомъ одного великаго народа-у него узкій мѣстный патриотизмъ, старыя родственныя счеты не заглушили чувства солидарности всѣхъ частей одной великой націи, и во всѣхъ углахъ земнаго шара, куда только не проникаетъ германецъ, звенитъ одна пѣснь-*Deutschland, Deutschland über Alles!* А вѣдь и германскія племена когда то воевали другъ съ другомъ, то здѣсь, то тамъ составлялись отдѣльныя государства, изъ которыхъ то одно, то другое достигало господства, гегемоніи. Теперь это одна *нація*, сознательный союзъ равноправныхъ членовъ, и всѣ встанутъ, какъ одинъ человекъ, на защиту общаго блага. Не то у насъ. Самое имя русскій кажется нѣкоторымъ изъ нашихъ узко-мѣстныхъ патриотовъ чѣмъ то обиднымъ, оскорбительнымъ, чуть не клеймомъ каторжника, прикованнаго къ цѣпи суровымъ тюремщикомъ. Наиболѣе рьяные мѣстные южнорусскіе патриоты стараются замѣнить исконное *Русь*, одно изъ древнѣйшихъ именъ южнорусскаго центра, перешедшее затѣмъ на всю совокупность восточныхъ славянскихъ племень, новѣйшимъ Украй-

на, отвергая и среднее-Малороссія, въ которомъ все же звучало старое Русь, или ставящее югъ въ положеніе меньшаго брата-но они забываютъ, что Украина не что иное, какъ *Украина*, пограничная марка то польскаго, то московскаго, государства.

И это потому, что мы въ нашей любви къ родинѣ еще остановились на чувствѣ узко эгоистичномъ, семейномъ, что у насъ еще живутъ семейно-родовые инстинкты древнихъ Угличей и Тиверцевъ, для которыхъ даже русскій-полянинъ былъ не своимъ, чужимъ, конкурентомъ, часто врагомъ, и еще потому, что мы до сихъ поръ не сумѣли создать изъ всѣхъ племенъ, такъ или иначе теперь соединенныхъ вмѣстѣ въ одно государство—*націю*, сознательнаго правового союза.

Я нисколько не защищаю старшей отрасли русскаго народа, поднявшей стягъ объединенія и достигшей гегемоніи—великороссовъ. Они сильно повинны въ этомъ отчужденіи своимъ самомяніемъ, своей суровостью и подчасъ жестокостью къ своимъ же братьямъ кровнымъ, которымъ отказывали такъ долго въ равныхъ правахъ наслѣдства. Но столько же виноваты и меньшіе братья—они виноваты въ инертности, лѣности, отсутствіи солидарности въ стремленіяхъ защищать свои права. Если маленькая Финляндія за короткое столѣтіе успѣла отстоять свои права, то у южнороссовъ было для этого 2 съ половиной столѣтія—и они пожалели то, что посѣяли. И все же я скажу, *honny soit qui mal y pense*, что одной изъ важнѣйшихъ причинъ отсутствія даже мѣстной автономіи у малороссовъ была, помимо національныхъ чертъ, косности и способности развивать энергію только въ крайности—слишкомъ большая національная близость двухъ славянскихъ вѣтвей—то именно, что такъ не по сердцу узко-мѣстнымъ патріотамъ, но что составляетъ фактъ историческій. Я скажу больше—настоящей племенной вражды у добродушныхъ южнороссовъ никогда не было къ москвичамъ. Если малороссъ называетъ великоросса кацапомъ, а великороссъ малоросса—хохломъ, то вѣдь и тулякъ обзываетъ орловца проломленной головой, получая взамѣнъ кличку рукосуя, а они вмѣстѣ потѣшаются надъ пошехонцемъ, заблудившимся въ трехъ соснахъ.

Национальный антагонизмъ пытались у насъ насадить преимущественно въ 60-хъ годахъ, и не малую роль въ

этомъ дѣлѣ сыграло польское возстаніе, когда польская шляхта сочиняла малорусскія пѣсни, а Богданы Залѣскіе, поляки до мозга костей, сочиняли надгробные плачи, вродѣ «Ужъ більше лѣтъ двісті, якъ козакъ въ неволи», и въ золотой грамотѣ обѣщали каждому польско-украинскому патриоту, павшему за Рѣчь Посполитую, по земельному надѣлу, немногимъ однако превышавшему извѣстный нищенскій надѣлъ положенія объ освобожденіи крестьянъ. Въ 60—70 годахъ интеллигенція украинофильская пренаивно мечтала показать рожки Москвѣ, но Чигиринское возстаніе было поднято не во имя отдѣльности Малороссіи—для народа понятія отвлеченнаго, а такой же золотой грамотой, надѣлявшей населеніе землей, а въ крошечномъ украинофильскомъ кружкѣ 40 годовъ—Кирилломеодійскомъ Обществѣ—все славяне призывались къ федераціи подъ гегемоніей Великороссіи.

Чувство отчужденія и вражды къ Великороссіи не могло воспитаться въ отношеніи малороссовъ еще потому, что великороссы въ отношеніи малороссовъ вовсе не были привилегированнымъ сословіемъ. Малорусскія вольности очень скоро по присоединеніи Малороссіи стали фикціей, или привиллегіей одной старшины, умѣвшей эксплуатировать населеніе не хуже московскихъ воеводъ и намѣстниковъ. Число посполитыхъ росло прогрессивно за счетъ казаковъ, а казацкія земли составили *latifundia* урядовыхъ. Демократическій строй Малороссіи существовалъ лишь среди Запорожья-буйнаго военного товарищества, немыслимаго въ культурномъ государствѣ. Населеніе не разъ обращалось за защитой къ московскому правительству, и перемѣна въ областномъ устройствѣ Малороссіи вызывала искреннее огорченіе только среди старшины, безконтрольно хозяйничавшей въ странѣ. Но и старшина не осталась безъ утѣшенія—она вошла въ составъ русскаго дворянства, сохранила свои *latifundia* и владѣніе крѣпостными. Скоро и здѣсь, и тамъ, было одно и то же—дворянство съ правами по жалованной грамотѣ, и безгласное крѣпостное населеніе.

Въ имущественныхъ и служебныхъ правахъ не было разницы между малороссами и великороссами—никому изъ нихъ не было лучше. Администрація обѣихъ частей была одинакова и съ тѣми же качествами. Языкъ администраціи

стать русскимъ, но репрессіи по отношенію къ малорусскому языку начались значительно позже, съ появленіемъ, такъ называемаго, украинофильства, значеніе котораго несомнѣнно было слишкомъ раздуто подъ вліяніемъ ряда польскихъ возстаній. Мысли объ отдѣленіи Малороссіи, питавшіяся и поддерживаемыя польскими событіями, существовали лишь среди ограниченаго кружка малорусской интеллигенціи, а первое украинофильство было скорѣе политической партіей во вкусѣ декабристовъ. И будь наше правительство болѣе дальновидно, менѣе трусливо, сліяніе двухъ крупныхъ вѣтвей русскаго народа въ одну націю произошло бы давно, и малороссы стали бы именоваться русскимъ, не только по религіи (какъ теперь въ Галичинѣ), но въ качествѣ члена одного государства.

Тридцать лѣтъ тому назадъ О. Θ. Миллеръ закончилъ свою блестящую рѣчь о великорусскихъ былинахъ (Тр. III. А. С. II. 306) слѣдующими словами: «былины и думы— это двѣ вѣтви, выросшія одновременно и не въ одинаковый срокъ на одномъ и томъ же деревѣ, томъ великомъ деревѣ, подъ широкой сѣнью котораго, по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, одинаково склонялись главой князья и народъ. Имя этому дереву земля свято-русская, наша общая государыня матушка».

800 лѣтъ тому назадъ, когда Русь была разбита на множество отдѣльных княжествъ—государствъ, созданныхъ на почвѣ Полянъ, Древлянъ, Бужанъ, Кривичей, Сѣверянъ, когда полянинъ бралъ на щитъ сѣверянской городъ, а галичанинъ призывалъ на полянина шелудиваго Боняка, и старый лѣтописецъ-монахъ, и предшественникъ Пушкина, гениальный пѣвецъ-дружинникъ, сложившій единственную въ своемъ родѣ поэтическую пѣснь о походѣ на половцевъ, горячо призывали всѣхъ—князей и народъ, пострадать за общее дѣло—за *русскую* землю—800 лѣтъ тому назадъ это чувство общности происхожденія, общности задачъ, общей страды—несмотря на родовые и семейные счеты, было живо и сильно. Кіевскій князь Святославъ, не многимъ отличавшійся отъ атамана военной дружины не хочетъ посрамить земли *русской*, Владиміръ Мономахъ собираетъ князей—помыслити о *русской* землѣ, а Сѣверскій князь Игорь, зайдя вглубь степей, съ грустью оборачивается назадъ—«о, *русская* земля,

уже за шоломомъ еси»; а вѣдь и эти старые князья, эти монахи и дружинники были Поляне и Сѣверяне, т. е., по теперешнему Малороссы-украинцы. Они видѣли родную разруху, они призывали къ единенію, они предвидѣли гибель Руси отъ нашего неумѣнія сплотиться для общаго дѣла, нашего эгоизма.

Что станетъ въ будущемъ—выдѣлится ли Малороссія въ автономную единицу, создастся ли отдѣльное малорусское государство и своя малорусская культура, отличная отъ общерусской культуры, въ которой до сихъ поръ малороссы участвовали наравнѣ съ великороссами, и поставили рядомъ съ Пушкинымъ—Гоголя—малоросса по происхожденію, русскаго по духу, и мірового писателя по значенію—все это вопросы гадательные—а до сихъ поръ историки въ точности своихъ предсказаній будущаго не уступали астрологамъ. Но не станемъ нашихъ чаяній и надеждъ, разнообразныхъ у cadaго, переносить въ прошлое. Историкъ пусть остается историкомъ, *sine ira et studio* познающимъ настоящее путемъ изученія прошлаго.

Мы имѣемъ теперь передъ собою болѣе важныя, неотложныя задачи, чѣмъ возобновеніе старыхъ счетовъ полянъ и древлянъ съ вятичами и радимичами. Станемъ сначала людьми, затѣмъ русскими, а потомъ уже—если найдемъ нужнымъ—великороссами, малороссами, бѣлороссами—и тогда только рѣшимъ общенароднымъ плебисцитомъ—продолжать ли намъ жить вмѣстѣ для одной общей цѣли—или полюбовно размежеваться.

Що було, то бачили, а що буде—то побачимо!

Каждый понимаетъ патриотизмъ по своему. И я повторю вмѣстѣ съ Лермонтовымъ:

За то, что родину по своему люблю я,

Не какъ они, своимъ умомъ живу я,

Они меня измѣнникомъ клеймятъ,

И ненавидятъ, и бранятъ.

За то, что я не ихъ закала,

И, шагъ за шагомъ, не иду назадъ,

Что я не патріотъ—они твердятъ,

Что родина мнѣ непонятной стала.

(Переводъ Висковатова съ перевода Беденштедта).

Исторія великороссовъ, малороссовъ, бѣлороссовъ — только мѣстные провинціальныя исторіи, но рядомъ съ ними и надъ ними всегда будетъ существовать исторія общерусская, въ отношеніи которой всѣ эти исторіи — только части большія или меньшія.

Раздоромъ такъ было слабо всегда славянство—и неужели тысячелѣтіе исторической жизни не сдѣлало насъ умнѣе?

II.

Племя, народъ — союзъ кровный, физическій, такъ сказать первобытный, архаическій. Притомъ, вслѣдствіе обстоятельствъ историческихъ, *чистыхъ, безпримѣсныхъ народовъ нѣтъ*. Всевозможные племенные элементы, родственные и чуждые по происхожденію, въ той или иной степени входятъ въ составъ каждаго племени.

Въ составъ южнорусскаго племени вошли мелкія восточныя племена — Поляне, Дrevляне, Сѣверяне, Бужане (Дулебы, Воляняне) Угличи, Тиверцы, Хорваты, и цѣлый рядъ другихъ племенъ, славянскихъ и неславянскихъ, Поляки, Литовцы, Угры, Хозары, Печенѣги, Половцы, Татары, Румыны, даже евреи. Число инородцевъ, вошедшее въ составъ южнорусскаго племени, огромно. Если инородцы растворились въ южнорусскомъ племени, то потому, что они не *сразу* вошли въ него, а постепенно, но еслибы мы могли сдѣлать подсчетъ всей инородческой примѣси, она оказалась бы очень значительной. Это забываютъ обыкновенно. Эти инородцы (путемъ браковъ) физически вошли въ его составъ, какъ цѣлый рядъ тѣхъ же и иныхъ еще инородцевъ вошли въ составъ великороссовъ, бѣлороссовъ, поляковъ и т. д.

Нація — понятіе болѣе высокое, чѣмъ племя. Нація — понятіе *духовное, культурное*. Изъ всѣхъ опредѣленій понятія націи наиболѣе вѣрно опредѣленіе Ренана: нація есть великая солидарность, вышедшая изъ сознанія общихъ жертвъ въ прошломъ и такихъ же въ будущемъ. Она предполагаетъ прошлое, но она въ настоящемъ выражается реальнымъ фактомъ — согласіемъ, ясно выраженнымъ желаніемъ продолжать общую, совмѣстную жизнь. (Une nation est une grande solidarité, constituée par le sentiment des sacrifices qu'on a fait et de ceux, qu'on est disposé de faire encore. Elle suppose un passé, elle se résume

pourtant dans le présent par un fait tangible—le consentement, le désir clairement exprimé de continuer la vie commune. (E. Renan—Qu'est ce qu'une nation.) То же самое говоритъ и нѣмецкій ученый Эдуардъ Мейеръ: не племенное родство, не единство происхожденія, языка, обычаевъ и религии соединяетъ особи въ націи—и даже не государственное начало, а *воля*, или *идея*: одну національность образуютъ въ человѣчествѣ группы, которыя *хотятъ* составлять это единство; для созданія этого единства требуется *активность*, усиліе воли, которое отличаетъ націю отъ племени.

Процессъ образованія націи очень сложенъ. Однѣ части входятъ въ нее насильно (завоеваніе), другія случайно (инородцы, поселившіеся въ чужой землѣ и оставшіеся въ ней), третью добровольно.

Всѣ эти части объединяются сначала механически государственной организаціей, лишь значительно позже, въ *силу многообразныхъ общихъ интересовъ—сознательно*. Силу націи даетъ именно это *сознаніе*.

Существуютъ ли у насъ тѣ элементы, тотъ цементъ, которымъ племена сплавиваются въ націю?

Да, они на лицо, какъ для элементовъ чужого происхожденія, такъ особенно и для племенъ родственныхъ, выросшихъ изъ одного общаго корня. Великороссы, малороссы, бѣлороссы—вѣтви одного прадерева—восточныхъ славянъ.

У всѣхъ одна религія, одинъ языкъ—славянскій, общія черты бытового уклада, общіе интересы экономическіе, культурные, охранительные,—только при прочномъ сплоченіи наша нація можетъ отстоять свою *независимость*, свою культуру.

Народы чуждаго намъ происхожденія, вошедшіе въ составъ нашей націи, имѣющіе другую религію, иной бытъ, иной языкъ, связаны съ нами однако интересами экономическими, культурными и защитными—мирно жить и развиваться, они, слабые для самостоятельнаго существованія, могутъ только подъ защитой нашего государства, имѣющаго средства защитить болѣе слабыхъ отъ насилій враждебныхъ имъ элементовъ (вспомнимъ недавнюю татарско-армянскую рѣзню).

Столь настойчивыя требованія автономіи для отдѣльныхъ народовъ, изъ которыхъ слагается наше обширное государ-

ство, исходятъ изъ положенія, что каждый народъ, племя, имѣютъ право на самоопредѣленіе, а цѣль самоопредѣленія—обеспеченіе каждой народности условій наилучшаго ея развитія, развитія ея національныхъ особенностей.

Я не буду говорить о нѣсколько рискованной постановкѣ этого вопроса—даннаго такъ широко, безъ ограниченій; есть національныя особенности, развитіе которыхъ едва ли желательно для блага культуры. Замѣчу еще, что такое самоопредѣленіе съ его практическими послѣдствіями ставитъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ политиковъ въ очень затруднительное положеніе. Существуютъ національности, не имѣющія у насъ опредѣленной земельной территоріи, ихъ сочлены разбросаны по лицу всей нашей земли, и не могутъ, а еслибы и могли, не захотятъ, сосредоточиться въ одномъ мѣстѣ. Положеніе ихъ крайне затруднительное. При лозунгѣ—свое для своихъ—для нихъ нѣтъ мѣста у насъ, иначе какъ на положеніи гостей. Они не смѣютъ возразить теоретически противъ требованій самоопредѣленія національностей, но они очень опасаются практическихъ послѣдствій такого самоопредѣленія для себя и, пока напрасно, ищутъ выхода въ компромиссѣ, предлагая объявить отдѣльныя мѣстности, области, нейтральными, всенациональными, чуть ли не отдѣльными вольными республиками.

Въ теоріяхъ сравнительнаго права есть два теченія—одно ищетъ въ правовыхъ нормахъ разныхъ народовъ главнымъ образомъ чертъ сходства, другое—чертъ особенностей, несходства. Наши національности исходятъ, разумѣется, изъ исканій вторыхъ и поэтому, добиваясь самоопредѣленія, стараются особенно рѣзко подчеркнуть черты несходства.

Затаенная мысль здѣсь однако иная—стремленіе къ власти, старые племенные счеты, обиженное самолюбіе.

Во всѣхъ панславистическихъ теоріяхъ хотя и проводится одна мысль—частныя усилія славянскихъ племенъ должны объединиться для общей борьбы съ германизмомъ—однако каждое племя хотѣло стоять во главѣ этого движенія—въ мечтахъ нашего Кирилло-Меѳодіевскаго Общества славяне должны были составить федерацію подъ главенствомъ русскаго народа. Хорватскій поэтъ Прерадовичъ поетъ о гнѣніи Запада, который погибнетъ отъ восточныхъ стрѣлъ,

а въ этой борьбѣ на первомъ мѣстѣ станутъ Хорваты и будутъ биться въ первыхъ рядахъ. Въ польскихъ мессіанистическихъ чаяніяхъ спасеніе славянъ выйдетъ изъ нѣдръ Польши, болѣе всѣхъ пострадавшей, а поэтому и имѣющей наибольшія права на вознагражденіе и гегемонію среди славянскихъ народовъ. Поляки, притомъ, какъ извѣстно, считаютъ себя самымъ культурнымъ изъ славянскихъ племенъ и поэтому нѣсколько свысока смотрятъ на остальные славянскіе народы. Сербо-Болгарская рѣзня нанесла страшный ударъ идеѣ панславизма, еще болѣйшій ударъ ему нанесло отношеніе Болгаръ къ намъ. Народъ, нами освобожденный отъ чужеземной власти, сталъ нашимъ злѣйшимъ врагомъ—его убѣдили въ гегемоническихъ стремленіяхъ Руси, въ тайныхъ нашихъ намѣреніяхъ сдѣлать изъ Болгаріи русскую провинцію.

И такое же происхожденіе имѣетъ столь настойчивое теперь требованіе автономіи для Малороссіи, требованіе особенно странное именно теперь, въ новомъ строѣ, ставящемъ цѣлью созданіе у насъ правового государства, всеобщаго равноправія, отмѣны всѣхъ привиллегій.

Кому и зачѣмъ нужна эта автономія, это отдѣленіе, выдѣленіе, отмежеваніе отъ обще-русскаго тѣла, и главное—отъ обще-русскаго дѣла?

Не народу малорусскому, не массѣ, о такомъ отдѣленіи вовсе не думающему. Мысль о такомъ отмежеваніи, его необходимости, нужно еще *внушить* народу, о проблематической пользѣ его (едва ли достаточно ясной и отдѣльнымъ представителямъ малорусской интеллигенціи), непмѣющему никакого представленія. Стремленіе къ самоопредѣленію только тогда жизненно, когда оно сознательно, а въ данное время его еще нужно доказывать, а доказывать его теперь, въ эпоху свободы, куда какъ труднѣе, чѣмъ прежде, въ эпоху стараго режима.

Малорусскимъ автономистамъ самимъ еще неясны территориальныя границы ихъ территоріи.

Федеративная республика, особенно такихъ колоссальныхъ размѣровъ, какъ наше государство, можетъ быть жизненной и прочной только тогда, когда ее составляетъ *нація, сознательное* сожительство для общихъ цѣлей. При 85% безграмотныхъ у насъ болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы нашему

населенію ясны были различія между формами государственныхъ организацій.

Вспоминается мнѣ одинъ митингъ въ селѣ Херсонской губ. въ эпоху движенія 1905—6 г. На митингѣ ораторствовалъ какой то пріѣзжій ораторъ (въ Малороссіи такихъ ораторовъ именуютъ пролетаріями, а слово пролетарій производятъ отъ слова «пролетѣть», такъ какъ они странствуютъ обыкновенно на велосипедахъ «прилетівъ на велохипеді якійсь пролетарій, щось наговорывъ, тай пролетівъ далі»; въ одномъ мѣстѣ, прослушавъ рѣчи ораторовъ на митингѣ, крестьяне просили записать ихъ въ пролетаріи, такъ какъ ораторы утверждали, что пролетаріямъ принадлежитъ будущее). Прослушавъ его рѣчь, содержаніе которой, разумѣется, въ виду состава аудиторіи, сводилось конечно только къ вопросу о надѣленіи крестьянъ землей, одинъ старый крестьянинъ спросилъ оратора: «а хто намъ дастъ землю, чи вы, чи царь, бо намъ усе одно—хто намъ дастъ землю, за тѣмъ мы и пійдемо»; къ землѣ, хлѣбу, сводятся всѣ существенныя нужды крестьянскаго населенія, вопросы политическіе для нихъ граеса, non leguntur.

Лѣтъ около 30 тому назадъ я довольно долго проживалъ въ Львовѣ, работая въ тамошнихъ архивахъ и бібліотекахъ. Приноситъ мнѣ однажды самоваръ дворникъ, переминается съ ноги на ногу, очевидно желая меня о чемъ то спросить и наконецъ спрашиваетъ по польски—«Вы русскій?» Да. «Я тоже русскій (въ русской Галиціи населеніе не знаетъ названія Украина, украинець, а называетъ себя *русскими*, вѣру свою, русской»¹). Отчего же ты говоришь со мной по польски, если ты русскій? «Я уже забылъ русскій языкъ». Помолчавъ немного Русскій, забывшій свой родной языкъ, вдругъ огорашиваетъ меня неожиданной фразой: «Вотъ хорошо бы было, еслибы была война». Зачѣмъ тебѣ война?

¹) Названіе Украина означало пограничье, границу, позже пограничную область (Кіевская, Подольская Украина); болѣе широкое значеніе оно стало принимать лишь въ концѣ XVI в. Старовольскій еще въ половинѣ XVII в. говоритъ объ Украинѣ Подольской. См. мою полемику съ С. П. Шелухинымъ и статью Равиты-Гавронскаго *Nazwa Ukrainy jej początek i charakter*. Львовъ, 1911, № 1. Журналъ «Ruś.»

«Да многихъ бы поубивали, меньше было бы народа, стало бы легче жить. А еще лучше было бы, еслибы насъ взяла Россія». Отчего? «Да, говорятъ, въ Россіи много хлѣба».

Вотъ къ чему сводится вопросъ о самоопредѣленіи народностей въ темной массѣ—къ вопросу о хлѣбѣ.

Но наши мѣстные патріоты въ сущности говорятъ то же—ихъ задача конечно шире—они мечтаютъ при автономіи удовлетворить не только матеріальныя, но и духовныя потребности народа, но, обращаясь къ народу, они стараются его убѣдить, что только при автономіи народъ получитъ достаточное количество земли¹⁾.

Скажутъ: автономія не есть отдѣленіе, это только самоопредѣленіе отдѣльной области въ ея внутреннихъ дѣлахъ. Самоуправленіе вызываетъ къ жизни мѣстныя силы, работающія за совѣсть, за идею, на благо народа, въ то время, какъ чиновники, изъ коихъ многіе могутъ быть людьми пришлыми, не связанными кровной связью съ населеніемъ, не знакомые съ его бытомъ, относятся къ своимъ обязанностямъ формально, безъ увлеченія, ихъ интересуетъ не чужое благо, а собственные оклады.

¹⁾ Кстати: наши митинговые ораторы, издавна старающіеся поднять населеніе лозунгомъ—земля и воля—не знаютъ, или не хотятъ знать распредѣленія земельной собственности у насъ и намѣренно оставляютъ темную массу въ предположеніи, что земли у насъ неизмѣрное количество, но большая часть ея въ рукахъ пановъ и правительства—отнимите у нихъ землю, раздайте ее крестьянамъ и послѣдніе будутъ богатыми землевладѣльцами. А вотъ цифры: по переписи 1897 г. въ Кіевской губ. на квадратную версту (т. е. на площадь около 100 десятинъ) приходилось 79,9 челоуѣкъ, на Подольскую—82,1, Полтавскую, Харьковскую, Черниговскую—отъ 50 до 63,7 (Полтавская). Раздѣлите число населенія на площадь земельную, и вы получите для Кіевской и Подольской губ. всего около 1 съ небольшимъ десятины на челоуѣка, для Черниговской и Харьковской около 2 десятины на челоуѣка. Если на долю крушнаго помѣщичьяго землевладѣнія приходится $\frac{1}{3}$ всей земельной площади, то при секвестрѣ, націонализаціи, социализаціи земли, называйте это отчужденіе, какъ хотите, прирѣзка каждому отдѣльному лицу будетъ: въ губ. Кіевской, Подольской треть десятины, въ губ. Черниговской и Харьковской двѣ трети. Не знаю, можетъ ли такая прирѣзка сдѣлать крестьянина богачемъ

Совершенно съ этимъ согласенъ. Но вѣдь федерація и автономія понятія разныя. Наши сторонники федераціи понимаютъ ее какъ соединеніе отдѣльныхъ областей, имѣющихъ каждая право законодательное— федерацію отдѣльныхъ государствъ, скажемъ прямо.

Представимъ себѣ Русь, русское государство, огромной республикой, объединяющей республики большаго и меньшаго размѣра — Малорусскую, Бѣлорусскую, Литовскую, Грузинскую, Армянскую, Татарскую, Латышскую, Туркменскую, Киргизскую, пожалуй еще Мордовскую, Чувашскую, Самоѣдскую и т. д. (не знаю, какъ будетъ съ нѣмцами и евреями — первые имѣютъ земли въ разныхъ мѣстахъ, вторые безземельны и вкраплены въ мѣстахъ стараго правожительства крупными общинами—занимая кое-гдѣ—Бердичевъ, Шкловъ и т. д.—почти сплошь отдѣльные города, составляя въ другихъ напр., въ Одессѣ, третью часть, чуть ли не половину всего городского населенія).

Каковы будутъ *государственныя* отношенія такихъ мелкихъ республикъ ко всему государству? Будетъ ли у насъ единство дѣйствій при такихъ многочисленныхъ федеративныхъ частяхъ? А вѣдь государство можетъ быть сильнымъ только при такомъ единствѣ, а единство такое возможно лишь при *національномъ* сознаниі.

Лозунгъ правового государства—обезпеченіе каждому защиты его интересовъ, поскольку эти интересы не идутъ въ разрѣзъ съ интересами всѣхъ, общая круговая порука—части слабыя, малосильныя, бѣдныя, получаютъ имъ недостающее отъ частей сильныхъ, богатыхъ, поступающихъ своимъ излишкомъ въ пользу малоимущихъ, неспособныхъ малопроизводительнымъ по мѣстнымъ условіямъ трудомъ обезпечить свое благосостояніе.

Лозунгъ мѣстныхъ патриотовъ-націоналистовъ (лучше сказать племенниковъ, такъ какъ понятіе націи гораздо шире понятія племени): каждый народъ, племя, имѣетъ право на самостоятельное развитіе своихъ отличительныхъ чертъ. А отличительными чертами считаются—религія, бытъ, языкъ. Но развѣ правовое государство не обезпечиваетъ отдѣльнымъ народамъ развитіе ихъ особенностей?

Въ отношеніи Малороссіи къ общерусскому государству вопросъ о религіи конечно отпадаетъ—всѣ вѣтви русскаго народа исповѣдуютъ одну религію.

Всѣ народы, входящіе въ составъ Русскаго государства, имѣютъ особенности въ своемъ бытовомъ укладѣ, нѣкоторые и мѣстные законы (даже Малороссія имѣетъ таковыя, что касается права семейнаго), и государство ихъ признаетъ, поскольку они не противорѣчатъ общегосударственнымъ интересамъ.

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о языкѣ. Въ немъ то до сихъ поръ и былъ «der Hund begraben».

Малороссы уже полвѣка жалуются на притѣсненія правительства въ отношеніи малорусскаго языка. Жупель сепаратизма заставлялъ старый режимъ относиться подозрительно къ мѣстному языку—книга на языкѣ малорусскомъ или не разрѣшалась къ печатанію, или подвергалась особой, квалифицированной, цензурѣ. Спектакли и концерты на языкѣ малорусскомъ подвергались запрету, или разрѣшались съ особыми ограниченіями. Особому преслѣдованію подвергалось преподаваніе на малорусскомъ языкѣ—это считалось уже прямо политическимъ преступленіемъ. И этотъ вопросъ теперь отпадаетъ самъ собою. Никто теперь не станетъ запрещать говорить, писать и преподавать на мѣстныхъ языкахъ.

Однако ярые націоналисты хотятъ большого—они мечтаютъ въ автономной Украинѣ сдѣлать языкъ малорусскій государственнымъ языкомъ. Вотъ въ этомъ то вопросѣ я съ ними и расхожусь радикально.

Языкъ не только орудіе общенія съ близкими, но и орудіе мірового общенія. Отсутствие одного общаго для всѣхъ языка большой тормазъ прогресса, культуры. Необходимость такого общаго органа взаимообщенія народовъ сознается издревле. Одно время общимъ языкомъ для людей культурныхъ, научныхъ дѣятелей, былъ языкъ латинскій—онъ сталъ такимъ въ колоссальной Римской имперіи, онъ пережилъ ея паденіе, онъ перешелъ однако въ ранній періодъ среднихъ вѣковъ и началъ терять такое значеніе лишь когда обширное Римское государство распалось на рядъ государствъ мелкихъ, племенныхъ. Онъ пересталъ развиваться органически, выродился въ уродливую средневѣковую латынь,

макароническую рѣчь, помѣсь латыни съ мѣстными языками и уступилъ наконецъ мѣсто ряду языковъ мѣстныхъ, изъ которыхъ только одинъ, языкъ французскій, имѣлъ долго болѣе общее значеніе для цѣлаго ряда народовъ. Развитие наукъ и литературъ на мѣстныхъ языкахъ въ значительной степени задержало широкое общеніе культуры, особенно у насъ, въ эпоху Московской Руси, гдѣ знаніе иностранныхъ языковъ (кромѣ языка греческаго, народа намъ родственнаго по религіи) считалось признакомъ еретическаго образа мыслей (но и языкъ греческій былъ доступенъ только немногимъ, и потому то наша литература Московскаго періода отличается такой отсталостью—мы знали только образцы литературы византійской, и наши предки потратили не мало труда на переводы съ греческаго, а такая неэкономная затрата силъ остановила развитіе родной литературы). Съ начала XVIII в. снятъ былъ запретъ на иностранные языки, и сколько неэкономной затраты силъ употребили мы на переводы съ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, итальянскаго языковъ! И теперь еще, при очень значительной у насъ переводной литературѣ, (повторяю опять—затрата силъ на переводы большой минусъ для самостоятельнаго развитія мѣстной литературы и науки) мы для успешнаго общенія съ міровой культурой изучаемъ (конечно, только наша интеллигенція) языки иностранные—гораздо экономнѣе знать эти языки, чѣмъ заниматься переводами—въ первомъ случаѣ мы имѣемъ возможность ознакомиться съ иностранными литературами цѣликомъ, во второмъ знакомимся (часто въ переводахъ неточныхъ, искажающихъ смыслъ произведенія) только съ ихъ незначительною частью, съ тѣмъ, что намъ дадутъ переводчики.

Мало найдется государствъ, *націй*, всѣ части которыхъ говорили бы на одномъ языкѣ—рядъ мѣстныхъ языковъ, нарѣчій, находимъ во Франціи, Германіи, Англии, Италіи, даже Индіи, но всѣ крупныя государства *выработали одинъ общій литературный языкъ*—какъ орудіе общенія составляющихъ его мелкихъ племенныхъ частей съ разнообразными нарѣчіями.

И вотъ что особенно важно—языкъ литературный *не есть языкъ господствующей народности* (въ свою оче-

редь имѣющей рядъ нарѣчій)—это языкъ такъ сказать отвлеченный, въ выработкѣ его участвовали языки мѣстные, онъ, какъ Антей, получаетъ силу, жизнь, красочность, отъ земли, онъ развивается органически—вспомнимъ, на примѣръ, развитіе нашего литературнаго языка—насколько нашъ теперешній языкъ литературный отличается не только отъ языка удѣльнаго и Московскаго періодовъ, но даже отъ языка XVIII ст. Языкъ литературный впитываетъ въ себя рядъ элементовъ языковъ мѣстныхъ (и не только элементы, взятые изъ отдѣльныхъ нарѣчій, но и, иногда, элементы, взятые изъ языковъ условныхъ, какими между собою общаются отдѣльные классы, профессіи даже—современный, на примѣръ, литературный языкъ французскій очень пострадалъ отъ включенія въ него argot, языка условнаго парижскихъ апашей).

Во Франціи, Германіи, Италіи, наряду съ языкомъ общимъ для всѣхъ, языкомъ литературнымъ, отдѣльныя части продолжаютъ пользоваться языками мѣстными, племенными (во Франціи Провансальскій языкъ, въ Германіи—plattdeutsch) и въ своемъ домашнемъ обиходѣ, и отчасти въ литературѣ. *Но никто тамъ не думаетъ о возведеніи такихъ нарѣчій въ званіе языковъ общихъ для всего государства*—такъ какъ такой языкъ, результатъ вѣковой работы всѣхъ, уже существуетъ.

Усвоеніе языка литературнаго особенно легко для племенъ родственнаго происхожденія, такъ какъ ихъ мѣстныя нарѣчія развились изъ одного, когда то общаго всѣмъ, языка и, стало быть, корнесловы ихъ общіе. Я вполне признаю не только желательность, но и необходимость первоначальнаго обученія на нарѣчійхъ и языкахъ мѣстныхъ—дѣло народнаго обученія этимъ значительно облегчается, затрата времени на такое обученіе значительно сокращается. Но уже въ низшей школѣ одновременно съ изученіемъ нарѣчій и языковъ мѣстныхъ, необходимо должно идти и обученіе языку общелитературному, какъ орудію не только общенія съ членами всего государства, но и орудію культурному. Преподаваніе же въ школахъ среднихъ и высшихъ (тѣмъ болѣе) должно происходить непремѣнно на языкѣ общегосударственномъ, литературномъ.

Представьте себѣ, что у насъ создались бы школы средня и высія, въ которыхъ преподаваніе происходило бы на языкахъ грузинскомъ, армянскомъ, татарскомъ, латышскомъ, малорусскомъ. Какой бы результатъ дало такое преподаваніе? Обширной научной литературы на мѣстныхъ языкахъ у насъ нѣтъ, нѣтъ и научной терминологіи. Слушатели оказались бы лишенными всѣхъ научно-литературныхъ пособій, и они буквально должны бы были *jugare in verba magistri*, не имѣя никакой возможности провѣрки степени знанія своихъ преподавателей, вѣря имъ на слово.

Не зная не только языковъ иностранныхъ (мы, преподаватели, знаемъ, какой ничтожный процентъ гимназистовъ, студентовъ, знаютъ иностранные языки настолько, что могутъ въ подлинникахъ читать произведенія иностранныхъ писателей), но, и нашего общелитературнаго языка, не имѣя переводной литературы на своемъ мѣстномъ нарѣчій, они стали бы въ положеніи отрѣзанныхъ отъ общенія съ міровой культурой. Мѣстные дѣятели, убѣжденные націоналисты-фанатики, засѣли бы за выработку мѣстныхъ нарѣчій, за переводы литературныхъ и научныхъ произведеній не только съ языковъ иностранныхъ, но и съ языка русскаго; я, напримѣръ, съ удивленіемъ увидалъ въ продажѣ переводъ моей собственной докторской диссертациі на языкъ малорусскій-переводъ этотъ сдѣланъ во Львовѣ безъ моего вѣдома — но я былъ не столько польщенъ этой честью, сколько ею удрученъ — работа моя, — посвященная исторіи Галицкой Руси, работа совершенно специальная, чисто научная; чтеніе ея доступно только лицамъ, близко знакомымъ съ исторіей Галицкой Руси, историкамъ-специалистамъ, ея не одолѣютъ даже просто образованные люди, тѣмъ болѣе она недоступна для народныхъ массъ, не имѣющихъ, конечно, специальныхъ знаній. Для кого же и для чего сдѣланъ этотъ переводъ, на который потраченъ, конечно, немалый трудъ и значительныя средства?

Этотъ фактъ доказываетъ, что въ Галицкой Руси даже специалисты не знакомы настолько съ русскимъ литературнымъ языкомъ, чтобы прочесть написанное на немъ ученое изслѣдованіе, иначе, какъ въ переводѣ.

А развѣ это допустимо для специалиста?

А такъ какъ у насъ теперь эпоха требованій, а лозунгъ настоящихъ требованій немедленно «быть по сему» (всѣ партіи и союзы у насъ усвоили вмѣстѣ съ безотвѣтственностью и автономностью, и эту сакраментальную фразу у стараго режима, самодержавія), то и наши малорусскіе автономисты *требуютъ немедленнаго* учрежденія среднихъ и высшихъ школъ съ малорусскимъ языкомъ преподаванія, требуютъ, не имѣя никакой возможности вести такое преподаваніе.

Они даже не могутъ сослаться на примѣръ Галицкой Руси, такъ какъ до сихъ поръ преподаваніе тамъ въ университетѣ ведется на языкѣ чужомъ, а на мѣстномъ лишь преподаютъ нѣкоторые отдѣльные предметы (мѣстная исторія, мѣстная литература); преподаваніе только этихъ предметовъ еще возможно (да и то съ грѣхомъ пополамъ, такъ какъ безъ знанія русскаго литературнаго языка ни малорусской исторіи, ни малорусской литературы изучать научно нельзя) на языкѣ мѣстномъ¹⁾.

Не забудемъ того, что теперешняго *soi disant* литературнаго языка, какимъ пишутъ въ Галицкой Руси, наше малорусское населеніе не пойметъ—ему придется переводить съ этого новаго малорусскаго языка на его родной языкъ (характерно и такое явленіе—не столько вырабатывая, сколько выковывая новый литературный языкъ, галицкіе націоналисты готовы брать корни для новыхъ словъ изъ какого угодно славянскаго языка, только не изъ русскаго, съ цѣлью, конечно, какъ можно болѣе отмежеваться отъ общенія съ общерусскимъ государствомъ и его литературнымъ языкомъ).

Я нисколько не противникъ автономіи вообще, и я не стану здѣсь приводить аргументовъ въ ея пользу. Но автономія только тогда благодѣтельна и для мѣстнаго населенія и для государства, когда всѣ автономныя части чувствуютъ

¹⁾ Не забудемъ и того, что большинство образованныхъ людей въ Гал. Руси отлично владѣютъ языками нѣмецкимъ и польскимъ; польскимъ языкомъ владѣетъ и мѣстное населеніе. И вотъ характерный фактъ: проф. М. А. Грушевскій свои историческіе труды переводитъ съ языка малорусскаго (галицко-русскаго) на языки—русскій литературный и нѣмецкій, иначе эти труды нашли бы крайне ограниченный кругъ читателей.

себя *одной націей*, однимъ государствомъ, крѣпко, тѣсно, сознательно и искренне сплоченны въ одинъ союзъ преслѣдующій одни общія цѣли, когда мѣстное не затмѣваетъ общаго, а общее не нарушаетъ интересовъ специальныхъ, мѣстныхъ.

А доросли ли мы до такого сознанія? Наша старая славянская рознь еще очень живуча, старые счеты еще не погашены, и вотъ я и боюсь, чтобы автономія, какъ ее понимаютъ узкіе мѣстные патріоты, не содѣйствовала образованію новыхъ и очень опасныхъ трещинъ въ нашемъ государственномъ зданіи.

А государственное единство, единеніе, сознательная сплоченность намъ теперь необходимы больше, чѣмъ когда либо.

Для насъ, именно для насъ, при нашей розни, нежеланіи, неумѣннн сплотиться, нашей подозрительности въ отношеніи близкихъ, и довѣрчивости къ чужимъ—ихъ провокаторскимъ рѣчамъ и дѣламъ—федеративная республика представляетъ особую опасность.

Федеративное устройство у насъ хотять скопировать не съ Соединенныхъ штатовъ Америки, а съ двудеиной Австрійской имперіи. И странно то, что мы, всегда удивлявшіеся возможности существованія такого «лоскутнаго государства», объяснявшіе этотъ странный фактъ только одной необыкновенно ловкой политикой австрійскихъ властей, исходившихъ изъ принципа *divide et impera*, теперь, точно вспомнили слова одного изъ славянскихъ патріотовъ—еслибы Австріи не существовало, ее надо было бы создать.

Неужели мы не прочли подъ этими строками горькаго упрека славянству, его исконной розни? Вѣдь славянскій патріотъ именно и хотѣлъ сказать, что славянскіе народы не могутъ изъ—за старыхъ семейныхъ распрей прити къ соглашенію, и ихъ покушенія другъ на друга могутъ быть предотвращены лишь чужой нейтральной властью.

Я боюсь не автономіи, а ея радикализма у насъ, я боюсь нашего равнодушія къ интересамъ общимъ, узко-семейнаго эгоизма.

Дѣло не въ томъ, что губерніи, въ которыхъ проживаютъ теперь малороссы, объединятся подъ общимъ названіемъ; назовите, если хотите, нынѣшнія губерніи полками,

староствами, уѣзды—сотнями, повѣтами, заведите даже мѣстный сеймъ, мѣстныя думы, дѣло не въ названіяхъ, дѣло въ томъ, что узко-мѣстные патріоты неспособны понимать значенія *націи*, національнаго единства, необходимости теперь болѣе, чѣмъ когда либо *единого* русскаго государства.

Самымъ радикальнымъ изъ нихъ мерещится отдѣльное самостоятельное Малорусское государство, но этихъ немного, и ихъ стремленія не встрѣтятъ сочувствія у остальной малорусской интеллигенціи—болѣе трезвой, имѣющей историческія знанія, историческій *flair*, примѣръ Польши у нихъ предъ глазами. Не будутъ ли у насъ центробѣжныя стремленія преобладать надъ центростремительными?

Конечно націи, національнаго единства, нельзя создать силой, нельзя заставить отдѣльные народы составить націю. Необходимо ясное сознаніе, что такого единства требуютъ самые существенные интересы племенъ, народовъ, соединенныхъ въ одно государство. При такомъ ясномъ сознаніи типъ государства и не имѣетъ особаго значенія, оно будетъ прочно, разъ отдѣльныя части его ясно понимаютъ, что жизненные интересы ихъ непреодолимо требуютъ такого единства.

Всемирный миръ, братство народовъ, о которомъ мечтаютъ идеалисты, и на которомъ теперь строятъ побѣду Германіи провокаторы, нѣмецкіе шпіоны, еще много столѣтій будетъ утопійей. А пока раздѣленіе Руси на автономныя области, изъ которыхъ въ нѣкоторыхъ, въ *силу нашей исконной розни*, теченія центробѣжныя будутъ преобладать надъ центростремительными, ослабитъ государство настолько, что Германія никогда не отказывающаяся отъ своихъ плановъ міровой гегемоніи, позавтракаетъ одной частью, по бѣдаетъ другой и поужинаетъ третьей, а наша Русь, собранная вѣковыми усиліями нашихъ предковъ, ставшая міровой державой, трудами нашихъ лучшихъ людей начавшая вырабатывать оригинальный типъ культуры, превратится въ провинцію, улусъ орды нѣмецкихъ юнкеровъ, какъ она была улусомъ татаръ.

Вотъ почему я повторяю, и готовъ это повторить ты ачи разъ:

1) Наша нынѣшняя задача—создать не силой, а убѣжденіемъ, сплоченную *націю* изъ всеѣхъ народовъ, составляющихъ наше государство.

2) При національномъ единствѣ въ *правовомъ* государствѣ мѣстные племенные интересы не пострадаютъ; при сознательной, дружной, работѣ для одной общей цѣли все мѣстныя особенности могутъ безпрепятственно развиваться. Что можетъ имѣть правовое государство противъ развитія мѣстнаго языка, мѣстныхъ обычаевъ, противъ религіозныхъ обрядовъ отдѣльныхъ національностей?

3) Ярые націоналисты исходятъ изъ утвержденія, что все добытки мѣстнаго хозяйства должны ити только на нужды исключительно своихъ.

Но вѣдь государство даетъ *защиту* всеѣмъ, оно *страхуетъ* безопасность отдѣльныхъ частей, отдѣльныхъ лицъ; средствъ мѣстныхъ органовъ недостаточно для такой страховки, и они, не имѣя возможности принять на страхъ имущество и жизнь своихъ сочленовъ, перестраховываютъ ихъ у государства—болѣе крупнаго страхового общества.

4) Народная масса къ вопросамъ политическимъ, формамъ общегосударственнаго и мѣстнаго устройства, совершенно равнодушна. Для нея самые важные вопросы жизни—вопросы экономическіе. А естественно, что только въ крупномъ государствѣ такіе вопросы могутъ получить наиболѣе благопріятное для народа разрѣшеніе (напримѣръ, при насыщеніи данной территоріи населеніемъ—эмиграція въ другія области государства).

5) Исторія не идетъ назадъ. Фантазерамъ—утопистамъ мерещится возрожденіе старой Гетманщины, въ которой якобы населеніе жило на совершенно демократическихъ началахъ и благоденствовало. Такіе фантазеры очень плохіе историки. Хорошо демократическое устройство съ безконтрольной старшиной во главѣ, собравшей колоссальныя *latifundia*, на которыхъ работали въ сущности тѣ же крѣпостные—посполитые!

6) Земли, занятія малорусскимъ населеніемъ, очень обширны; у нихъ нѣтъ общихъ экономическихъ интересовъ; такіе интересы отдѣльныя области Малороссіи имѣютъ съ близлежащими областями, занятыми родственными и не родственными народами, населяющими Русь, а поэтому авто-

номія на исключительно племенныхъ началахъ пошла бы во вредъ экономическимъ интересамъ мѣстнаго населенія.

Автономія Малороссіи, занимающей огромный районъ, ослабила бы единство и мощь всего Государства, особенно теперь, въ его тяжелыя минуты, и надолго послѣ войны, когда намъ придется переживать долгій экономическій кризисъ, вызванный теперешней ужасной борьбой народовъ, а узкіе мѣстные патриоты, для которыхъ вопросъ власти, личнаго самолюбія, выше интересовъ народа, стали бы употреблять всѣ силы къ обостренію отношеній отдѣльныхъ вѣтвей русскаго народа, тормозили бы стремленіе наше къ созданію изъ нашихъ отдѣльныхъ этнографическихъ элементовъ одной *націи*.

M. Ptaszyccki
19.3.66r.
-152T

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ
въ книжномъ магазинѣ А. А. Ивасенко въ Одессѣ.